

18+

СЕРИЯ
ГОЛОС ТИШИНЫ

ОЛБГА КВИРКВЕЛИА

ЭФФЕКТ РОЯ

Ольга Квирквелия

Эффект роя

«Издательские решения»

Квирквелия О.

Эффект роя / О. Квирквелия — «Издательские решения»,

Первый из новой серии этологических детективов о приключениях тандема следователя и этолога (специалиста по поведению животных). Тандем приглашен помочь решить загадку робо-пчел — шпионов...

Содержание

ЭФФЕКТ РОЯ	6
День первый	7
1	7
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
7	13
8	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эффект роя

Ольга Квирквелия

© Ольга Квирквелия, 2026

ISBN 978-5-0070-8911-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭФФЕКТ РОЯ

Эта книга — результат авторского вымысла, но в её создании поучаствовали и современные технологии. Я выражаю искреннюю благодарность ИИ **ChatGPT**, который стал моим цифровым ассистентом: помогал собирать информацию, искал логические нестыковки и предлагал варианты формулировок, лучшие из которых были переработаны и органично вплетены в повествование. Нейросеть не заменила автора, но невероятно ускорила работу — то, на что в ручном режиме ушли бы недели кропотливого труда, благодаря ChatGPT заняло считанные часы.

День первый

1

Зал собраний Генерального штаба Анузии был торжественно и пышно украшен государственными флагами, государственным гербом, а также гербами Генерального штаба и Секретной службы. За высокими узкими окнами слегка шевелились ветви освещенного солнцем клена, на котором о чем-то яростно спорили две галки. «Все так похоже на Россию, только все же не Россия...», подумалось Яну Вагнеру...

Передние ряды зала были заполнены солидными военными с женами, в задних рядах сидели более молодые военные и штатские мужчины. В проходах стрекотали видео- и телекамеры, толпились журналисты, постоянно в самых неожиданных местах срабатывали вспышки.

Детектив Арчил Гугунава, невысокий коренастый мужчина лет 32-х, в строгом темно-синем костюме и галстуке, сидел в центре первого ряда и вполуха слушал эмоциональные — даже восторженные — выступления докладчиков, полные славословий в его честь и, конечно, в честь его консультанта. Что ж, гордиться действительно было чем: расследование завершилось арестом преступника в рекордно короткие сроки...

Арчил уже рассмотрел зал, они с напарником Яном Вагнером уже получили — первыми — почетные ордена из рук генералиссимуса Кроппера и теперь можно было расслабиться.

Он с легкой тоской посмотрел в окно, за которым ярко светило солнце, слегка прикрывшись полупрозрачным облачком. Совсем близкое возвращение в Москву как ни странно породило в нем всплеск тоски по дому, впрочем, очень краткий.

Гугунава снова повернулся к президиуму, который возглавлял министр обороны, человек невзрачный, но с очень умными глазами. Внимание Арчила привлек генералиссимус, сидевший по правую руку от министра. Еще обмениваясь с ним рукопожатием после вручения ордена Гугунава удивился тому, насколько оно было вялым. Конечно, при слове «генералиссимус» в воображении возникает образ мужественного, умного, сильного человека солидного возраста — что в действительности далеко не всегда полностью соответствует действительности. А вот Кроппер этому образу совершенно не соответствовал. И сейчас, при внимательном рассмотрении, он почему-то показался детективу похожим на петуха — заносчивого, самовлюбленного и... туповатого. «Впрочем, — подумал Гугунава, — это не моя страна и не мой генералиссимус, слава Богу».

Густые лохматые брови и пышные усы Гугунава скрывали выражение его глаз и губ, но сидящий рядом Ян Вагнер, не только консультант, но и друг Арчила, заметил, как он время от времени подергивает себя за мочку правого уха. Ян знал смысл жеста: это знаменитая «чуйка Гугунава» не давала хозяину покоя. Что-то его беспокоило. Да и сам Вагнер, светловолосый молодой спортивный мужчина, не испытывал того прекрасного чувства восторга и удовлетворения, которое приносит заслуженная победа. Хотя причина его легкого раздражения была мизерной.

Он собирался идти на торжественное собрание в бриджах и клетчатой ковбойке — своей обычной одежде, — но вчера друг категорически воспротивился такому замыслу, нажимая не столько на уважение к церемонии и событию, сколько на честь страны, которую они оба представляют:

— Ну, что они подумают о России?! Страна каких-то невоспитанных придурков?!

— Почему невоспитанных и почему придурков?! — обиделся Ян за свой любимый «прикид».

— Потому что в бассейне плавают в плавках, с парашютом прыгают в комбинезоне, огород копают в старых трениках, а на торжественное заседание ходят в костюме. Если у тебя мало денег — я дам. Но если пойдешь в таком виде, я рядом с тобой не сяду.

В конце концов Ян сдался и купил на местном рынке серый костюм (который выглядел бы вполне торжественно, если бы не клетчатая ковбойка и синий шейный платок, расставаться с которыми Ян отказался наотрез). И вот теперь, в такой тихий и ясный день, он сидел в душном зале, слышал вместо пения птиц усиленный микрофоном рокот слов на непонятном языке и отчаянно скучал.

Яну хотелось спросить Арчила, что его тревожит, но нацеленные на них многочисленные теле- и фотокамеры делали это совершенно неуместным. Тогда консультант детектива погрузился в какие-то странные мысли: он всегда считал, что преступник плохой, а его жертва хорошая, но в данном случае такой уверенности у него не было... Тут трудно разобраться даже в том, кто пострадавший, а кто преступник, и в глубине души Вагнер чувствовал, что, похоже, обе стороны не нравятся ему в равной степени...

А Гугунава пытался понять, что же его беспокоит, что не дает благодно упиваться успехом, что он пропустил... Арчил решил проанализировать все происшедшее за последние дни шаг за шагом, благо восторженные речи докладчиков никакой полезной информации в себе не содержали, но совершенно точно навевали сон... уснуть в первом ряду под бурные аплодисменты было бы как-то... неприлично.

2

Все началось с того, что в Анузии, маленькой дружественной России стране, произошел громкий скандал: соседняя, тоже маленькая, страна Бониния, внезапно выступила с нотой протеста в связи с тем, что Анузия разрабатывает план нападения на ее центральный командный пункт пограничных войск. Отношения между этими странами всегда были непростыми, они то и дело придумывали амбициозные варианты присоединить к себе соседа — Анузия Бонинию и Бониния Анузию; к счастью, до большой войны дело не доходило, но искрило очень часто. Идея, что можно объединиться в качестве двух автономных республик, которую им подсказывали со всех сторон, никак не поселялась в их правительствах (хотя большинство населения, которое и торговало, и зачастую породнилось с соседями, устало от этой грызни). Поэтому нота протеста была обычным делом.

Не было удивительным и то, что Анузия готовила нападение (это соответствовало действительности), так оно и было, напрямую анузийцев то, что план слишком быстро стал известен противнику: его разработка проходила в глубокой тайне, в подземном бункере, полностью изолированном от окружающего мира и напичканного всевозможными датчиками, камерами, анализаторами. И это взволновало Генеральный штаб. Тут же был введен режим чрезвычайного положения, заработали датчики и сканеры. (Яна немного удивило, почему такой режим не был введен с самого начала работы над планом, но гораздо более опытный в этих вопросах Гугунава объяснил, что Анузия — страна совсем небогатая, своей хорошей техники у нее нет, приходится покупать устаревшее оборудование у других государств, да и энергии для его постоянной работы требуется много — а на нее тоже нужны деньги. Поэтому и включили его только получив ноту протеста).

Все усилия обнаружить утечку ни к чему не привели. Спецслужбы «под микроскопом» разглядывали — одного за другим — всех членов Генштаба и всех осведомленных о плане лиц, но это тоже ничего не дало: единственный, кто вызвал подозрения, — пожилой генерал Бадди: он изначально активно выступал против нападения на Бонинию, доказывая, что Анузия не готова к полномасштабному военному конфликту, который станет неизбежным после первой же атаки. Но недавно назначенному генералиссимусу Кропперу (которого многие гене-

ралы считали совершенно непригодным к этой должности) очень нужна была маленькая показательная победа, поэтому разработка продолжилась — и Бадди продолжал возражать. Однако сварливого генерала ценили именно потому, что он всегда великолепно видел самые слабые места в планах, и за это ему прощали его брюзгливость. И он явно не был предателем, скорее уж трепетным патриотом.

Ничего не найдя, Анузия попросила помощи у России — такой помощью и стали Гугунава и Вагнер, tandem, известный своим умением раскрывать нераскрываемые преступления. Друзья вылетели в столицу Анузии.

3

Сначала и у них ничего не получалось — вернее, не получалось у Арчила, потому что к Яну, этологу, пока вопросов не было. Вообще приглашающая сторона была удивлена тем, что его прислали — ну зачем в расследовании этолог? Технар — понятно, медэксперт — понятно, даже химик — тоже понятно. А вот этолог?.. Кстати, а чем занимаются этологи? Из России пояснили — поведением животных. Анузийцы решили, что под животными в Москве понимают бонинцев и успокоились. Однако в России знали — вернее, уже поняли, — что все события происходят в природной среде, а ее хорошо понимает именно этолог, точнее говоря — именно этот этолог, — и настояли на своем.

Потом при очередном осмотре зала в бункере — тоже очень помпезном, со множеством каких-то кубков, грамот на стенах, парадных фотографий генералиссимуса (Арчилу объяснили, что кабинет стал таким, как только Кроппер занял свой пост), в котором проходили заседания и на огромном столе которого была разложена карта нападения, внимание детектива привлекло легчайшее, почти невидимое поблескивание в ячейке вентиляционного отверстия. Поднявшись по срочно принесенной лестнице, детектив обнаружил застрявшую в ячейке мертвую пчелу. Откуда и почему она здесь, в подземном бункере? Цветов в кабинете, понятное дело, не было, сладостей тоже, не считая вазочки с вареньем, стоящей на краю стола. Эта вазочка почему-то показалась Арчилу такой одинокой, как из другого мира... Однако ее было явно мало для отвлечения пчел от цветущей поляны перед бункером...

Срочно был вызван из отеля Вагнер (он уже «выдрессировал» друга не хватать руками — даже в перчатках — растения и животных), тот залез на лестницу, посмотрел на пчелу, понюхал, что-то проверил одним из своих многочисленных приборчиков, спустился и сказал: — Это не мое, это твое, человеческих рук дело.

И действительно, в решетке застряла робо-пчела... Гугунава осторожно повертел ее в руках и признался Яну:

— Слушай, я в этом понимаю не больше, чем в этологии, объясни в двух словах самое главное! Что это такое, что оно тут делает, как сюда попало и почему сломалось?

— Ничего себе запросики! Я вообще-то этолог, а не технар! Обратись к спецам.

— Да у них тут таких специалистов раз, два — и обчелся. И совсем не факт, что хакер — как раз не из этих двоих. Расскажи в общих чертах и простыми словами, для «валенков».

— Ну, в общем-то это просто нано-дрон, летит, куда прикажут, фотографирует, что велят, и возвращается на базу. погоди, рассмотрю повнимательней. — Ян извлек из одного из своих многочисленных больших карманов лупу:

— Арчил, хакер-то не дурак, он отказался от радиоволн. В бункере работают мощные глушилки, любой сигнал был бы перехвачен.

— Так их включили же только после ноты протеста!

— Хакер не мог этого знать наверняка. Поэтому его робо-пчелы работали «напрямую». Они подлетали к карте, их микро-линзы сканировали и сохраняли на флешку картинку, а потом возвращались к хозяину и отдавали флешку ему. Но тут есть проблема: нано-дрон раз-

мером с насекомое не может нести тяжелую флешку или мощный передатчик — батарейка, на которой дрон работает, сядет за минуту.

— И зачем тогда он нужен?

— А вот это вопрос... Пчелы могли вылетать через вентиляцию за пределы бункера и начинать... танцевать. Они двигались по кругу, виляли брюшками и дрожали крыльями. В этологии это называется языком танца. Каждое движение — это буква или цифра. Человек в окне напротив просто сидел с мощным биноклем и записывал этот визуальный шифр. Старый шпионский семафор, Арчил, только исполненный нано-роботами. Но объем информации у такого «семафора» крошечный — так можно передать только общие контуры, сам факт разработки плана. Главный массив данных робо-пчелам было просто не унести.

— А какой же тогда смысл их посылать? Это же, как я понимаю, не такие простые устройства.

— Не знаю, но могу поделиться предположением. Как раз для ноты протеста — робо-пчелы заставили бы (что и произошло в реальности) как минимум отложить нападение. Ведь Анузия не знает, какую именно информацию получил враг, может быть, всю схему, и теперь в случае нападения ее войска ждали бы засады.

Тогда Гугунава согласился с такой интерпретацией. Да и другой версии не было...

4

Ну, а дальше все пошло по накатаному — изучение микроробота: мертвая пчела — это «золотая» улика. Исследуя ее, по батарее и аккумулятору удалось выяснить, сколько дней назад пчела застряла — оказалось, что за три дня до ноты. Место производства деталей нано-робота — в далеком и гораздо более высокоразвитом государстве, а вот сборка местная.

Детектив начал искать, кто в Анузии тайно закупал редкие микросхемы и оптику такого размера и качества. Этот след привел к разработчику, — впрочем, его поиски были несложными — в стране было пока совсем немного специалистов в этой области.

Гугунава тщательно пролистал в голове свои воспоминания об этом этапе расследования.

Арестовывать хакера была послана мощная, вооруженная до зубов группа спецназа. Ехала она молча, сжав зубы и вцепившись в автоматы. Ян тоже напрягся, а вот Арчила это даже развлекало. Он подумал было, что брать с собой Вагнера не стоило, — вот уж совсем не военный он человек, — но потом сообразил, что только его друг будет в состоянии определить, тот ли это хакер, которого они искали, — просто посмотрев на его изделия в свою лупу.

Хакер жил в маленьком домике на окраине города. Спецназовцы, пригнувшись, побежали окружать дом. А Гугунава, велев Яну пока оставаться в машине, поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Она распахнулась и на пороге появился невысокий тощий очкарик в растянутой майке с подозрительными пятнами. Он был довольно молодым, но уже усталым.

Арчил плечом отодвинул его и вошел в крохотную прихожую, а оттуда в гостиную. За стеной хныкал малыш и женский голос напевал колыбельную.

Почти половину комнаты занимал рабочий стол, на котором стоял массивный микроскоп, разложены инструменты и какие-то мелкие детали. Остальная обстановка гостиной выглядела очень скромной, почти нищенской.

Хакер, казалось, абсолютно не удивился приходу спецслужбистов, он был совершенно готов к аресту — как позже выяснилось, даже рюкзачок с зубной щеткой, расческой и другими необходимыми в камере вещами уже собрал.

При обыске Гугунава обнаружил робо-пчел, робо-мух и робо-муравьев на разной стадии готовности. Ян подтвердил, что они полностью совпадают с робо-пчелой, найденной Арчилом.

Два спецназовца распахнули дверь в соседнюю комнату — в ней на широкой продавленной кровати сидела молодая женщина, укачивающая младенца. Рядом спали еще двое...

Почеловав на прощание жену и трех новорожденных близнецов, хакер вскинул на плечо рюкзачок и шагнул к двери...

На допросе он сразу же признался, что именно он создал рой робо-пчел. На вопрос «зачем?» пожал плечами:

— Я всегда был категорически против войны, а тем более с Бонинией — родиной моей жены, там живет вся ее родня. А тут мне написал мужик и предложил эту работу.

— И ты сразу согласился?

— Еще бы! Вы же видели мою «троицу»! Жена работать, естественно, не может, заказов у меня почти нет, в нашей стране пока никому не нужны нано-роботы... А больше ничего я не умею, и он очень хорошо заплатил!

Хакер безропотно сообщил следователям электронный адрес, с которого пришел заказ и куда он отправил видеозаписи «танцев» пчел. Адресант находился в Бонинии...

Тогда у Гугунава тоже рука потянулась к мочке уха: а откуда заказчик знал, что вообще нечто разрабатывается и где проходят заседания?

Пришлось еще раз опрашивать всех посвященных в такие детали, однако ничего нового поначалу не выявилось. А потом кто-то упомянул, что видел, как один из уборщиков пьянствовал на лужайке перед бункером в компании весьма неблагонадежных личностей. С большим трудом, но уборщик, все еще (или уже) непотрезвевший, вспомнил, что действительно рассказывал собутыльникам о бункере, хотя что именно говорил, уточнить не смог, не в том состоянии он тогда пребывал. Его уволили и на этом поиски прекратили.

Кстати, а кто именно рассказал об уборщике?.. Дзини, секретарь генералиссимуса!

Перед внутренним взором Арчила встала сцена разговора с секретарем: он отвечал на вопросы спокойно и уверенно — да, по дороге с работы видел уборщика сидящим на траве с бутылкой в руках. Рядом сидели еще двое, в центре лежала развернутая газета с разложенными на ней бутербродами. Все трое лыка не вязали, понять, что они говорят, Дзини не смог, но уборщик не раз указывал рукой на бункер, явно что-то объясняя.

А вот когда Гугунава попросил секретаря обрисовать общую обстановку в бункере, тон Дзини сразу изменился, стал язвительным — все тупые бездельники, казнокрады и распутники, а его мнение о генералиссимусе было уж совсем невысоким — и это очень слабо сказано. Детектив тогда списал такое отношение к начальству на довольно типичную для обслуживающего персонала критичность по отношению к вышестоящим.

А больше ничего заслуживающего внимания Арчилу не вспомнилось.

Так почему же рука все тянется к мочке уха?..

5

Торжественное заседание наконец закончилось, зато начался банкет в соседнем зале, куда все и потянулись — настолько резво, что в дверях образовалась давка. Кормили и поили хорошо, даже отлично. Огромный стол был заставлен яствами и графинами. Москвичей слегка удивило количество спиртного в разгар рабочего дня — ну, ладно, по паре бокалов шампанского в честь праздника — это святое, но как раз шампанского на столе почти не было.

Достаточно быстро разговоры стали невнятными, жесты широкими, жены хихикали, видимо, сплетничая, мужья, судя по всему, рассказывали то ли похабные анекдоты, то ли охотничьи байки. Гугунава и Вагнеру как главным героям вечера было неловко уходить раньше всех и они, пристроившись на углу стола, повели неспешный разговор. О делах говорить не стоило — вокруг наверняка многие понимали русский язык, почти все учились в России.

— Что тебя тревожит, Арчи? За Тошку беспокоишься? Он же остался с твоей мамой, уж на бабулю-то можно положиться! Она пылинке не даст на внука упасть. — спросил Ян друга.

Тошка — Антон — был 6-летним сыном Арчила. Пару лет назад умерла жена детектива и с тех пор он один воспитывал мальчишку, одновременно безумно боясь за него и стараясь воспитать сына настоящим мужчиной.

— Вот именно! Это меня и тревожит! Я мужика вырастить хочу, настоящего человека, а он... Представляешь, мама утром рассказывает: читала ему на ночь про Красную шапочку, так он расплакался, ему волка жалко стало! Говорит: давай по-другому придумаем — что ему пузико зашили, накормили, вылечили и в лес отпустили!

— Так это же здорово, Арчи, мой коллега растет! Там матери, которая ребенка одного в лес послала, живот надо было вспороть, а не бедному голодному волчишке...

— Не любишь ты людей, Янек...

— Люблю, но не всех. Вот тебя, например, вполне даже люблю. И сына твоего. И маму. А чем еще Тошка тебя огорчил? — перевел разговор Ян.

— Бабушка его очень хвалит — внучок так хорошо рисовать стал... РИ-СО-ВАТЬ! Не в футбол играть, не в речке плавать, а на бумажке малевать!

— А что он рисует?

— Дом, зверушек, меня, маму...

— А тебе не приходило в голову, что и он тоже пережил трагедию? Может, даже большую, чем ты? Думаешь, это так легко проходит — смерть матери? Ты, здоровый мужик, год ходил, как в воду опущенный, и до сих пор полностью не оклемался, а от него ждешь, чтобы он в футбол побежал играть?!

— А что же мне делать?..

— Вместе горе переживать! Не ты — умный и сильный — отдельно и он, маленький и слабый, отдельно. Вместе горевать и тосковать! Иногда и вместе поплакать... Тогда и вместе поплавать пойдете, а пока каждый в своей скорлупе затаился... Не дави на мальчишку, ему и так несладко...

6

Тут все наконец двинулись к выходу. На лестнице и в вестибюле друзьям пришлось опять пожимать руки, улыбаться, отвечать на комплименты.

Выйдя на улицу, друзья облегченно вздохнули. Легкий ветерок выветрил из них душную атмосферу парадного зала, казалось, въевшийся запах алкоголя, мяса и приторных тортов.

Вагнер спросил:

— Тебе опять твоя чуйка покоя не дает? Хотя уже понял, почему?

— Нет, но что-то где-то мы пропустили... Давай пройдемся и спустимся в бункер, пока его не заперли снова, подумаем еще немного...

— Ты иди, а я заскачу за Марго, пусть она немного крылья разомнет. Да и она умная, ты же знаешь, а вдруг что-то заметит...

Марго — это старый ворон Яна, его подруга и советчица. Арчил улыбнулся, вспомнив, как Ян их знакомил:

— Это ворон, Марго.

— Вай! — с утрированным грузинским акцентом воскликнул Арчил: — Ты зачем ему женское имя дал?

— Так это дама, причем в весьма зрелом возрасте.

— Ворона значит?

Вагнер цокнул языком:

— Нет, ворона — это совсем другая птица! Она серая, живет стаями в городе, а ворон предпочитает одиночество и лес. Марго ворон-девочка.

— И ворона-мальчик бывает?

— Конечно!

— погоди, то есть ворон-мальчик делает птенцов с вороном-девочкой, а ворона-мальчик — с вороной-девочкой?! Вах, генацвали, это как-то неправильно, это какие-то нетрадиционные ценности! — оба друга расхохотались. — А зачем ты таскаешь ее с собой? Оставил бы с моей мамой.

— Ты что, знаешь, какая она умная и как мне помогает!

— Да ладно! Записочки любовные носит или может насмерть заклевать преступника?

— Между прочим, она решает логические задачи на уровне 5-летнего ребенка — чуть хуже твоего сына! А наши прадеды говорили — ворон, это вам не ворона, не городская разбойница, а птица таинственная, мистическая. И путать их нельзя. «Батюшка ворон — птица вещая», «ворон три раза по сто лет живет, со смертью знает», — говорили раньше об этих пернатых, а еще он может «голосом человеческим» давать мудрые советы...

7

Путь от здания Генштаба до бункера был по местным меркам неблизкий — полчаса пешком. Сам город закончился через 20 минут, еще через 10 — пригород и Арчил зашагал по тропинке через пахнущую летом рощу.

Он немного расслабился, беспокойство отступило под натиском птичьего гомона — роща готовилась ко сну, стрекотали какие-то насекомые, шуршали плотные листья каких-то незнакомых деревьев. «Надо Янека спросить, что это тут растет», — мелькнула ленивая мысль...

Бункер замаскировали несколько небрежно, но мило: земляная насыпь поросла травой и кустиками, а перед входом раскинулась полянка, на которой летом с удовольствием устраивали пикники и разминки сотрудники. Было в нем нечто, характерное для анузийского характера... Гугунава попытался сформулировать это «нечто», но не смог: просто секретный бункер с полянкой для пикников сотрудников. Впрочем, пикники (точнее, попойки) здесь организовывали не только сотрудники, но и местные пьяницы.

Вход с тяжелой стальной дверью был открыт и Арчил спустился по лестнице и пошел по застеленному коврами коридору к залу заседаний. Тут все выглядело почти так же помпезно, как и в Генштабе. Гугунава кивнул дежурному, заглянул в кухню на случай, если потребуется кофе, — там никого не было, но кофейник стоял на плите.

Детектив вошел в зал заседаний, в центре которого стоял огромный стол, окруженный рядами стульев, сел в кресло на председательское место и внезапно перед его внутренним взором встала сценка: он впервые входит в это помещение, на второй день после приезда; там секретарь Дзини, аккуратно одетый мужчина лет 35-ти, в очках и с короткой стрижкой, складывает бумаги. Сбоку от кресла генералиссимуса стоит вазочка с вареньем. Официант, молчаливый, пожилой, сутулый и усталый, вносит кофе для детектива и проливает немного прямо на карту, прикрепленную в центре стола — ту самую карту, причину всего этого переполоха. Дзини кидается вытирать лужицу, пояснив: «А то нас ждет нашествие насекомых!»... И что-то в этом было неправильное! Что?! Вот оно! Секретарь не промакивал кофе, не вытирал лужицу круговыми движениями, как это делают обычно, а проходил по карте салфеткой очень четкими, аккуратными движениями... Арчил напряг свою зрительную память: эти движения совпадали с контурами изображения на карте! Почему? Зачем?!

Взволнованный детектив решил, что кофе и сейчас не помешает ни ему, ни Яну, и направился в кухню, чтобы его сварить. По пути к двери он обернулся и увидел муравья, ползущего по столу. Машинально прихлопнул его, тут же подумав, что Ян его не одобрит, и вышел.

8

Возвращаясь с двумя чашками, сахарницей и кофейником на подносе, Гугунава встретил в коридоре Вагнера с Марго, усевшейся у него на плече. Ян, воспользовавшись возможностью, уже сменил ненавистный костюм на бриджи и безрукавку со множеством карманов.

— Ну, Арчи, что тебя скребет?

— Сейчас расскажу, — детектив открыл дверь и замер на пороге: по столу бегало множество муравьев!

— О, моя работа прибежала! — воскликнул Ян. — Марго, это не для тебя, посиди пока на тумбочке! Что ж, батано Арчил, знакомься — это почти наверняка твои шпионы!

Марго недовольно спланировала на верх стеллажа.

— То есть как?! А пчелы?! — Гугунава решил было, что его напарник шутит, но Вагнер был серьезен.

— Я же тебе уже говорил! Робо-пчел создают в основном как миниатюрные беспилотники. Они должны передавать цифровую информацию по радиоканалу. Летящему роботу нужны мощные пропеллеры. Они требуют тяжелых батарей, которые быстро садятся (в реальности — за 15—20 минут, считая дорогу по вентиляционной трубе), в пчелу нужно вмонтировать карту памяти, но у нее очень маленький объем. Напичкать такую кроху большой памятью или сложными датчиками физически невозможно — она просто не взлетит.

— Погоди, а зачем они тогда танцевали?

— Не знаю, не думаю, что танцевали именно они... у них бы энергии не хватило. Возможно это были обычные живые пчелы — на лужайке полно медоносов... Тут, конечно, есть странность, но факт однозначен — большой объем информации они передать не могли. Скорее всего в Бонинии получили сообщение только о том, что план разрабатывается — без деталей.

— А почему ты мне этого раньше не сказал?

— Ты же знаешь — я в ваши дела не лезу, спросят — отвечу, а так... Я много чего знаю, но не хочу догадываться, что вам полезно, а что нет. И потом — тогда муравьев здесь не было. Хотя настоящие шпионы — именно они.

— Как они сюда попали, да еще в таком количестве?! Я перед выходом из комнаты прихлопнул одного, но эти-то откуда взялись?

— Батано Арчил, ты совершил классическую ошибку человека — ты ни за что, ни про что прихлопнул разведчика. Понимаешь, муравьи не живут сами по себе, они — единый сверхорганизм. Когда ты раздавил одного, его микроскопические железы выделили в воздух феромон тревоги. Для нас это не пахнет никак. Для них — это сирена воздушной тревоги на полную мощность. Сигнал «Наших бьют!» И все примчались на помощь.

— Кажется, понял. — Арчил потер подбородок. — Но вот про то, что они — шпионы, не понял... Как это работает, поясни! Муравьи невзлюбили за что-то Анузию и решили ее наказать, перейдя на сторону врага? Как-то очень похоже на Тошкины сказки!..

— Кто-то нанес на карту бесцветный сироп, имитирующий их любимый углеводный след. Погоди-ка, проверю, — Ян извлек очередной приборчик. — Точно, флуоресцеин, теперь все ясно!

— Только не мне!

— Это органический краситель, который в воде почти незаметен, но начинает ярко и направленно светиться, если на него посветить лазером определенной частоты.

— А что это за приборчик у тебя такой умный?

— Спектрометр, он настроен на точную длину волны этого красителя. Даже если в капле, которой обмениваются муравьи, содержится всего одна миллионная доля флуоресцеина, прибор уловит этот химический «отпечаток». Первые муравьи шли по следу сиропа с этим краси-

телем, как по рельсам. Но когда ты убил одного из них, лавина сородичей ринулась не просто за едой — они пошли на штурм зоны опасности. Они хлынули именно туда, где был сироп.

— А почему не использовать робо-муравьев?

— Робо-муравья можно засечь металлоискателем, рентгеном или тепловизором — батарея робота греется. И те же проблемы, что и с робо-пчелами, даже еще больше — быстро разряжается батарея, маленький объем памяти на карте, то есть опять-таки всю карту они не отсканируют.

— Значит, нано-роботы — это вообще плохо? Хуже живых?

— Если они должны выполнять такие же действия, как настоящие насекомые, то, конечно, да. Природа значительно мудрее людей и значительно старше, у нее было больше времени для создания существ, идеально приспособленных к определенным действиям. Живой муравей абсолютно невидим для датчиков — это просто насекомое. Живой муравей может карабкаться по вертикальному стеклу, переворачиваться и протискиваться в щели толщиной в долю миллиметра. Роботы таких размеров до сих пор не умеют так эффективно преодолевать сложные препятствия. Робо-муравью нужна батарейка, которая сядет через 30—40 минут. Живой муравей сыт каплей сахара и может автономно работать сутками — ему не нужны батарейки. Он питается углеводами, которые сам же и нашел на шпионской карте. Его «запас хода» огромен, а проходимость по стенам и щелям бункера идеальна. Муравья нельзя засечь тепловизорами или металлоискателями. Для всей системы безопасности бункера это просто природный «шум», обычные насекомые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.